
ПРОЛОГ, КОТОРЫЙ УМЕСТНЕЕ БЫЛО БЫ НАЗВАТЬ ЭПИЛОГОМ

Князя убивали долго, и смерть его оказалась ужасной. Заговорщики, числом двадцать человек, двинулись к княжеской опочивальне под покровом ночи. Но страх и трепет не покидали их. Ночи летом коротки, времени у заговорщиков было в обрез, и всё же они, не сговариваясь, свернули по пути к княжеской медуше, где хранились хмельные мёды и заморские вина. Вино прибавляет силы и дарит храбрость, хмель ударяет в голову — а того и надо было людям, решившимся на такое неслыханное преступление. «И тако, упившеся вином, поидоша на сени», — записывал позднее киевский летописец. О том, где стояла стража и кто из ратников нёс службу той ночью, заговорщики были осведомлены отлично. Да и стражники не забыли тревогу, увидев приближавшихся к ним людей, — все они были им хорошо известны и подозрений не вызывали. А зря! Ибо те несколько человек, что были выставлены у дверей, ведущих к княжеской опочивальне, погибли первыми. Два-три удара мечом решили исход этой короткой схватки. Настолько короткой, что стражники не успели даже вскрикнуть, позвать на помощь. В «ложнице» — так называлось помещение внутри замка, предназначенное для сна, — князь был один. Он крепко спал. В передней комнате отдыхал его ближний слуга, парубок Прокопий. Заговорщики схватили Прокопия сонным, придушив его так, чтобы он не смог вымолвить ни слова. Один из заговорщиков подошёл к двери и тихонько постучал в неё:

— Господине, господине!..

— Кто там? — спросил князь спросонок.

— Прокопий, — тоненьким голосом, искусно поддельваясь под парубка, произнёс убийца.

— О нет, паробче, то не Прокопий!.. — отвечал князь, распознав обман.

Надежды на то, что князь сам отомкнёт засов, не осталось. Убийцы набросились на дверь, начали выламывать её, крушить мечами. Князь вскочил, потянулся к висевшим на стене нож-

нам, но те были пусты — накануне вечером один из заговорщиков, чужеземец Анбал, выкрал меч, оставив князя безоружным. А ведь то был не простой меч! Князь привёз его из Вышгорода и берёт как зеницу ока — меч тот некогда принадлежал его сроднику, святому князю Борису, которого почитала небесным заступником вся Русская земля, а прежде всех — княжеская семья, его родичи. Но и святой Борис не мог помочь князю — ведь тот не сберёт его меч, великую святыню. И расплачиваться за это небрежение приходилось теперь самой жизнью...

Тем временем дверь поддалась, затрещала и рухнула внутрь опочивальни. Сквозь тесный дверной проём протиснулись двое убийц, первыми кинувшиеся на князя. Одного из них князь подмял под себя, со вторым схватился насмерть. Свечной огарок потух от резкого порыва воздуха, и в наступившей тьме трудно было различить лица, понять, кто с кем борется. Сдавленные крики, стон раненого, оказавшегося на полу, и сопение борющихся людей — вот что слышали те, кто ворвался в комнату следом. Один из убийц споткнулся о раненого, лежавшего на полу, и, думая, что это князь, прикончил его ударом меча. Но драка продолжалась. Кто-то принёс светильник. Князь защищался, как мог. Обернув левую руку плащом, он действовал ею, словно щитом, не чувствуя боли. Опытный воин, он находил возможность сражаться сразу со всеми — пользуясь теснотой, скученностью тел, хватаясь для защиты от нападавших за всё, что попадало под руку.

— О горе вам, нечестивые! — кричал он, уворачиваясь от ударов. — Бог отомстит вам за мой хлеб!

Но силы были слишком неравными. Град страшных ударов свалил князя. Его левая рука была изрублена, голова насквозь рассечена мечом. Бездыханным князь пал наземь.

Думая, что он мёртв, убийцы взяли своего погибшего товарища и выбрались наружу. Но князь очнулся. В оторопи он выполз за ними, с трудом приподнялся на ноги. Ужасная боль пронизывала всё тело, из груди исторгались хрипы и рыгание, его рвало и мутило. Весь в крови, он спустился по лестнице вниз и укрылся за лестничным столбом. Но кто-то из убийц услышал шум, кто-то увидел в окне тень князя. Все гурьбой поспешили обратно. Князя на месте не было, и это привело злодеев в неопикуемый ужас.

— Уже погибли! — восклицали они, дрожа от страха. — Если князь выберется живым, то никому из нас пощады не будет, всех казнит! Ищите его! Ищите!

Вновь зажгли свечи. Кровавый след вёл к лестнице и далее вниз, в подклеть. Князь сидел за восходным столпом, то есть за лестницей, и так молился из глубины сердца своего:

«Аще, Господи, суждено мне принять конец, то принимаю его. Аще и согрешил много, Господи, и заповеди Твои не сохранил, но ведаю, яко милостив еси... Господи, пусть и совершил я при жизни немало злого, но даруй мне отпущение грехов и сподоби мя, Господи, недостойного, принять конец сей, как принимали его святые мужи, ибо такие страдания и смерть такая выпадают святым мученикам Твоим...»

И когда он молился так, набросились на него окаянные убийцы. Один из них ударом меча почти напрочь отсёк руку князя, а другие пронзили тело его саблями и копьями.

— Господи, в руки Твои предаю свою душу, — успел прошептать князь, прощаясь с жизнью...

Так в ночь на 29 июня 1174 года, в субботу, в канун дня святых и всехвалных апостолов Петра и Павла, в княжеском замке града Боголюбова, в собственных покоях был убит князь Андрей Юрьевич, прозванный Боголюбским¹. Событие это потрясло Русь. Но не меньше, а быть может, даже больше, чем само убийство, потрясает то, что случилось вслед за ним.

...Обезображенное и нагое тело Андрея было вывложено в «огород» — некое огороженное место на задворках княжеского дворца — и брошено там на поправу псам и добычу вóронам. Одежды с князя были сорваны. Хоронить его никто не собирался. Больше того, когда на следующий день один из преданных князю людей, некий Кузьмище Киянин (то есть киевлянин родом), стал искать тело своего господина, ему пригрозили:

— Не смей трогать его! Так решили люди: хотим кинуть его псам на съедение! Если же кто прикоснётся к нему — тот нам враг. Убьём того!

Кузьма всё же сумел прикрыть нагое тело и, завернув его в ковёр, понёс в церковь. Но и церковь была заперта. Служители её — те самые, кому князь сделал при жизни столько добра и о которых так заботился, — не пожелали отомкнуть церковные двери и не разрешили положить тело в храм. Подобно большинству других жителей Боголюбова, они попросту перепились, ибо княжеская медуша, отворённая теперь для всех, манила их куда больше, чем алтарь собственного храма. Кузьма оставил тело в церковном притворе, и здесь пролежало оно несколько дней, пока наконец игумен Арсений не совершил погребальную службу и не вложил тело в каменную гробницу...

В городе же творилось невообразимое. Все словно обезумели. Казалось, что смерть князя освободила людей не только от его власти, но и от любых человеческих законов, от любых нравственных норм. Всеми овладела единственная страсть — к убийству и грабежу.

Грабили всё и у всех. Ещё в самую ночь убийства разгромлены были княжеские палаты. На следующее утро и в течение ближайших двух или трёх дней толпа громила всё, что попадало ей под руку. Из княжеского дворца выносили то, что не успели вытащить или чем побрезговали убийцы. Грабили дома княжеских «делателей» — мастеров, приглашённых князем для украшения храмов и палат во Владимире, Боголюбове и других городах, — ювелиров, резчиков по камню и прочих. Здесь, в Боголюбове, по соседству с князем, жили и свои, владимирцы и суздальцы, и выходцы из других русских земель, и иноземцы — но различий между ними не делали, не щадили ни тех, ни других, ни третьих. Громили дома посадников и тиунов — управляющих князя, княжеских слуг и «мечников» — судий; этих ненавидели люто — за творимые беззакония, а потому надеяться на пощаду им не приходилось. Грабили любого, кто казался побогаче и почестнее. Мужчин и женщин равно вытряхивали из одежд, срывали с них украшения, а самих убивали; женщин прежде насиловали. И было так не в одном Боголюбове, но по всей округе и даже в стольном Владимире. И лишь на пятый или шестой день владимирские священники, выйдя с крестами и хоругвями на улицы города, сумели остановить всеобщее безумие...

Так страшно заканчивалось княжение Андрея Боголюбского. Так заканчивалась одна из самых великих эпох в истории Северо-Восточной Руси — время всеобщего подъёма, время процветания, когда по всему княжеству строились величественные белокаменные храмы, и сегодня поражающие наше воображение, когда создавались многие признанные шедевры древнерусской иконописи и литературы, когда затерянный в лесах Владимир на Клязьме превращался в новую столицу Руси, соперничавшую великолепием с древним Киевом, «матерью городам русским»... Но великие, или переломные, как их ещё называют, эпохи имеют обыкновение плохо отражаться на судьбах своих творцов. Мало кому из последних суждена бывает по-настоящему счастливая жизнь. А вместе с ними мучиться и страдать, гибнуть в многочисленных войнах или бессмысленных смутах приходится тысячам и тысячам подвластных им людей...

...Чем эпоха интересней для историка,
Тем она для современника печальней.

Так написал поэт о веке двадцатом*. Но слова его потому и стали крылатыми, что подходят почти к любой эпохе. Вот

---

* Николай Иванович Глазков (1919—1979).

и время княжения Андрея Боголюбского они словно бы подразумевают и вполне могли бы стать эпиграфом к рассказу о нём.

Почему же случилось такое? Почему столь чудовищная смерть и посмертное поругание выпали на долю одного из самых выдающихся правителей в истории Русского средневековья?

Не будем спешить с ответами. К тому же признаемся сразу: однозначных и чётких, а тем более устраивающих всех ответов на эти вопросы мы всё равно так и не сумеем отыскать. В этой страшной развязке сокрыт извечный парадокс истории. И здесь же — одна из главных загадок в личности самого князя Андрея Юрьевича. Кем он был на самом деле? Кем вошёл в историю России? Устроителем и собирателем Руси, предтечей будущих русских самодержцев, великих князей и царей московских, как полагали московские книжники XV—XVI веков, а вслед за ними и многие историки? Ревнителем православной веры, с юности думавшим о Божественном больше, нежели о земном, и подчинившим всю свою жизнь служению Богу и торжеству Православия, каковым и по сей день почитают его, причтённого к лику святых, воцерковлённые люди? Или тираном и деспотом, гордецом и властолюбцем, готовым на всё ради достижения единственной цели — установления собственной власти? Ведь и такой взгляд на княжение Андрея Боголюбского присутствует в трудах историков, а отчасти и в свидетельствах современников. Или, как это обыкновенно бывает, в личности князя соединилось всё вместе: и первое, и второе, и третье? А может быть, и ещё многое другое?

О князе Андрее Юрьевиче написано немало, личность его давно привлекает к себе внимание историков². И у каждого автора — свой Боголюбский, а значит, и свои ответы на те вопросы, что обозначены выше.

Так нужна ли ещё одна книга о нём?

И на этот вопрос трудно дать однозначный ответ — тем более мне, её автору. Наверное, всё-таки нужна. Хотя бы потому, что не установленными до сих пор остаются очень многие факты биографии князя, очень многие обстоятельства его жизни и политической деятельности, в том числе и такие факты и такие обстоятельства, которые имеют первостепенное значение и, можно сказать, определяют наши представления о нём.

Вот самый простой пример. Неизвестно даже приблизительное время его появления на свет. Обычно пишут, что князь родился около 1111 года. Между тем *первое* его упоминание в источниках относится лишь к 1147 году. Получается, что князь впервые становится хоть как-то заметен для летописцев, впер-

вые начинает участвовать в сражениях — причём пока что находясь на вторых ролях — в возрасте, который для древней Руси можно назвать едва ли не преклонным! Но так ли это? И вправе ли мы доверять тем — якобы точным — сведениям, что приводятся в книгах о нём?

И таких примеров множество. Чуть ли не каждый шаг Боголюбского может быть поставлен под сомнение, чуть ли не каждое свидетельство о нём вызывает оживлённую дискуссию среди историков. А ведь именно князь Андрей Юрьевич был тем человеком, который, по существу, создал самостоятельное Владимирское княжество — политическое ядро будущей Великороссии, иными словами — ядро современной России. А потому всё, что он делал, можно сказать, каждый его шаг в роли владимирского князя оказали существенное влияние на ход нашей истории и заслуживают самого пристального внимания.

В сущности, мы знаем о князе ничтожно мало. Но даже то небольшое, что сообщают о нём источники, всякий раз требует тщательной и кропотливой проверки, далеко не всегда и не во всём осуществлённой. И прежде чем предлагать то или иное толкование событий, связанных с его княжением, следует разобратся в том, что именно и из каких источников нам известно, какова степень достоверности этих источников, каково происхождение каждого из них, как они соотносятся друг с другом, чем объяснить противоречия между различными версиями одних и тех же событий (а они неизменно присутствуют в разных летописях) и т. д. Даже простая сводка этих известий, даже простой обзор тех источников, из которых можно почерпнуть что-то значимое для биографии князя, надо признать делом по крайней мере небеспольным. И именно такую задачу — свести воедино всё, что мы знаем о князе, — я прежде всего и ставил перед собой. В этом смысле книга об Андрее Боголюбском продолжает предыдущие мои книги о правителях древней Руси, начиная с княгини Ольги и князя Владимира Святого, чьи биографии выходили ранее в серии «Жизнь замечательных людей».

Не мне судить о том, насколько сумел я приблизиться к решению этой задачи. Но выпуская биографию в свет, я всё же надеюсь, что по её прочтении у читателя сложится свой образ этого непростого и во многом противоречивого человека, а может быть, появится повод поразмыслить и над теми парадоксами и кажущимися закономерностями исторического процесса, которые столь зримо и грубо вторгаются в нашу жизнь даже тогда, когда мы совсем не ожидаем этого.

Часть первая

КНЯЖИЧ 1120-е — 1155

Молодые годы

В первый раз имя князя Андрея Юрьевича появляется в летописи в связи с событиями начала 1147 года, когда он вместе со старшим братом Ростиславом был послан отцом в поход на Рязань. К тому времени Андрей был уже человеком вполне сложившимся, взрослым. В дальнейшем летописцы всё чаще и чаще будут вспоминать о нём. Но вот о детстве и юности нашего героя, о его становлении как личности ни из летописей, ни из других ранних источников нам ровным счётом ничего не известно. А потому и глава, посвящённая этому важнейшему отрезку в его жизни, по неизбежности оказывается куцей и не слишком информативной.

Это неудивительно. Ростово-Суздальская земля, которой правил отец Андрея князь Юрий Владимирович Долгорукий, считалась захолустьем, «залесьем», далёкой северо-восточной окраиной Руси, и то, что происходило здесь, не слишком волновало летописцев, трудившихся в стольном Киеве и близких к нему центрах — Вышгороде, Чернигове, Переяславле — или в Великом Новгороде. Своё же собственное летописание если и велось в то время в Ростове и Суздале, то до нашего времени, к сожалению, не сохранилось или сохранилось лишь фрагментарно, в виде отрывков, случайных вкраплений в более поздний летописный текст — времён киевского княжения Юрия Долгорукого или владимирского — самого Андрея и его младшего брата Всеволода. Не только Андрей, но и большинство его братьев впервые упоминаются на страницах летописи в связи с событиями, происходившими вне границ Суздальской земли.

Андрей был вторым или третьим сыном Юрия Долгорукого. Его старший брат Ростислав упоминается в источниках с 1138 года, когда он был посажен отцом на княжение в Новгород; следующий, Иван, — с 1146-го: осенью этого года он был послан отцом в помощь его союзнику, новгород-северскому князю Святославу Ольговичу, и получил от того в удел город

Курск и «Посемье» (земли по реке Сейм, притоку Десны). Судя по этому сообщению, Иван был старше Андрея, вопреки позднейшим росписям сыновей Юрия Долгорукого, которые ставят Андрея на второе место, а Ивана — на третье. Но оба старших Юрьевича умерли ещё при жизни отца: Иван — в феврале 1147 года, а Ростислав — в апреле 1151-го. После этого Андрей и стал старшим среди наследников Юрия Долгорукого.

Всего у Юрия было одиннадцать сыновей. Старшие, и в их числе Андрей, появились на свет в первом браке; их матерью была половецкая княжна, дочь половецкого хана Аепы Осенева («Аепина дщерь, Осенева внука», как называет её летописец). Помимо Ростислава, Ивана и Андрея она принесла мужу ещё четверых сыновей — Бориса, Глеба, Ярослава и Святослава. Последний родился больным и в течение всей своей жизни оставался недееспособным; «от рожества и до свершенья мужьства бысть ему болезнь зла, — сообщает о нём суздальский летописец, — ...не да бо ему Бог княжити на земли». Не позднее 1136/37 года — надо полагать, после смерти половчанки — Юрий женился во второй раз, но на ком именно, в точности неизвестно. Обычно считают, что второй женой князя стала византийская принцесса, принадлежавшая к правящему в Империи роду Комнинов. И хотя мнение это зиждется не на показаниях источников, а на чисто логических допущениях, оно представляется более или менее вероятным. Наверное, не случайно после смерти мужа, изгнанная пасынком из Суздальской земли вместе со своими родными сыновьями, Андреева мачеха найдёт убежище не где-нибудь, а в Византии, и её сыновья будут обласканы императором Мануилом.

От второго брака у Юрия родились четверо сыновей: Мстислав, Василий (Василько), Михаил (Михалко) и Всеволод; последний появился на свет 19 октября 1154 года, за два с половиной года до смерти отца. Имелись у Юрия и дочери. Из летописей известно по меньшей мере о трёх, но их могло быть и больше, ибо сведения о представительницах женской половины княжеского семейства в летописи попадали нечасто¹.

Влияние матери-половчанки сказывалось на старших княжичах, в том числе и на Андрее. Впоследствии он без труда будет находить с половцами общий язык, воевать бок о бок с ними и принимать над ними команду. Но вот во внешнем облике князя это влияние проявилось совсем не так сильно, как можно подумать, глядя на его скульптурный портрет, выполненный выдающимся советским антропологом Михаилом Михайловичем Герасимовым в 40-е годы прошлого века. Как показали исследования останков князя, проведённые уже в наше время, бросающиеся в глаза «монголоидные» чер-

ты внешности Андрея Боголюбского — прежде всего разрез глаз, широкие выступающие скулы — были преувеличены Герасимовым — вероятно, под влиянием всё того же летописного известия о половецком происхождении его матери. Ныне облик Андрея однозначно определяется как принадлежащий к «среднеевропейскому типу»².

Брак Юрия Долгорукого с «Апиной дочерью» носил политический характер. Его заключил отец Юрия князь Владимир Всеволодович Мономах в январе 1108 года в ознаменование и для подтверждения мира с половцами. Судя по косвенным свидетельствам источников, ко времени женитьбы Юрий едва достиг совершеннолетия, то есть, по меркам древней Руси, возраста двенадцати-тринадцати лет. Полностью к семейной жизни он ещё не был готов. Это обстоятельство необходимо учитывать при определении примерного времени появления на свет его сыновей, в том числе и Андрея.

В исторической литературе датой рождения Андрея Боголюбского обычно называют 1110, 1111 или 1112 годы³. (В 2011 году во Владимире и Москве было торжественно отпраздновано 900-летие князя.) Но все эти даты имеют под собой весьма непрочные основания. Они опираются на разыскания русского историка XVIII века Василия Никитича Татищева, который в своей знаменитой «Истории Российской», рассказывая об убийстве князя, указал, что Андрей «жил 63 года», или, в примечаниях к основному тексту: «63 или 65 лет»⁴. Татищев ссылаясь на будто бы сохранившиеся древние летописцы, в частности, на некую летопись суздальского епископа Симона, жившего в XIII веке. Кончину Боголюбского он датировал 1175 годом. Вычитание из этой даты названных им цифр даёт 1110 или 1112 год рождения князя; если же учесть, что Андрей погиб годом раньше, — то 1109-й или 1111-й. Последняя дата и стала «официальной». Однако никакой «летописи епископа Симона», на которую ссылался Татищев, по всей вероятности, никогда не существовало, и скорее всего мы имеем дело с собственными подсчётами историка XVIII века, который исходил из известной ему летописной даты брака отца Андрея, князя Юрия Долгорукого, с половецкой княжной, а также из предполагаемой им, но неверной даты рождения самого Юрия — 1090 год (она также была высчитана на основе всё того же летописного известия о браке). В действительности же Юрий родился лет на шесть позже⁵ и, следовательно, произвести на свет сына (причём второго или третьего по счёту) к 1111 году никак не мог. Исследования костных останков князя Андрея Боголюбского также показывают, что умер он более молодым, чем казалось Татищеву. О явном несоответствии

между его «паспортным» (то есть основанным на показаниях В. Н. Татищева) и «костным» возрастом писало большинство экспертов. Согласно последним и наиболее достоверным оценкам специалистов, князь умер в возрасте 45—55 лет, ближе к пятидесяти годам⁶. Получается, что родился он в 20-е годы XII века, ближе к середине десятилетия. Но и не позднее этого времени: наличие у князя более или менее взрослых детей к 1159/60 году (зимой указанного года его дочь была выдана замуж, а сын — может быть, и номинально — поставлен во главе войска, о чём речь впереди) не позволяет сдвинуть дату его собственного рождения во вторую половину 1120-х годов.

Это время суздальского княжения его отца Юрия Долгорукого. В те годы — и при отце, Владимире Мономахе, и при брате, Мстиславе, — Юрий редко покидал доставшийся ему «залесский» удел и почти не участвовал в общерусских делах. Удивительно, но за семь лет киевского княжения его брата Мстислава Великого (1125—1132) его имя вообще ни разу не упоминается в летописи! При этом Юрий ни на минуту не забывал о своих правах на отцовское и дедовское наследство: прежде всего на отчий Переяславль на Трубеже, родовое «гнездо» Мономашичей (ныне город Переяслав-Хмельницкий на Украине), а в перспективе — и на стольный Киев. Вскоре после смерти Мстислава, летом 1132 года, когда на киевский стол воссел следующий по старшинству его брат Ярополк, Юрий на короткое время занял Переяславль, но прокняжил в городе всего восемь дней и вынужден был покинуть его. Позднее, в 1134 году, по договору, заключённому с Ярополком, он вновь получил Переяславль, согласившись обменять его на Суздаль и Ростов «и прочую волость свою, но не всю». Но и второе княжение Юрия в Переяславле оказалось недолгим, поскольку не устроило слишком многих. Уже следующей зимой, в соответствии с договором, заключённым князьями Мономашичами с черниговскими Ольговичами — их троюродными братьями, Юрий передал Переяславль своему младшему единоутробному брату Андрею, прозванному Добрым, и вернулся в Суздальскую землю. Однако вся борьба и за Переяславль, и за Киев была ещё впереди. Один из наиболее беспокойных и воинственных князей своего времени, Юрий отнюдь не считал себя удовлетворённым и жаждал реванша.

Обилие сыновей служило для него своего рода запасом династической прочности. Сыновья должны были стать и наиболее надёжными его помощниками как в Суздальской земле, так и в борьбе за власть над Южной Русью. Между прочим, само наречение сыновей свидетельствовало об определённых амбициях суздальского князя. «В сложной и многоступенча-

той системе наследования [княжеских] столов, сложившейся на русской почве, имя нередко определяло те династические перспективы, на которые новорожденный мог рассчитывать по замыслу своих ближайших родственников», — пишут современные исследователи княжеской антропонимики древней Руси⁷. Так, имя Ростислав, которое Юрий дал своему первенцу, прямо отсылало к имени его дяди, младшего брата Владимира Мономаха Ростислава Всеволодовича, княжившего в Южном Переяславле (он погиб в 1093 году в битве с половцами на реке Стугне). Будущий же Боголюбский, скорее всего, получил имя в честь прадеда, великого князя Киевского, а прежде князя Переяславского (и притом первого в ряду переяславских князей!) Всеволода Ярославича, звавшегося Андреем в крещении. К XII веку это имя стало восприниматься уже не просто как крестильное, но и как княжеское, родовое. Как известно, русские князья в течение долгого времени получали, как правило, по два имени — помимо княжеского ещё и христианское, данное при крещении. Но для Андрея Боголюбского это имя было единственным*. Он не первым в роду Мономашичей получил его. Под именем Андрей (и также одновременно и крестильным, и княжеским) известен его дядя, упомянутый выше князь Андрей Владимирович Добрый. Это имя пополнило собой не слишком длинный к XII веку список христианских имён тех из князей Рюриковичей, кто был особенно почитаем в княжеском семействе и чьи христианские имена стали восприниматься как княжеские, — помимо Всеволода (Андрея), это Креститель Руси Владимир Святой (в крещении Василий), святые Борис и Глеб (Роман и Давыд) и Ярослав Мудрый (Георгий, или Гюрги, Юрий, как произносилось это имя на Руси). Соответственно, имена Василий (Василько), Роман, Давыд, Юрий (Гюрги), Андрей и добавившиеся к ним Иван и Михаил (Михалко) расширили ограниченный круг собственно княжеских имён.

Нет полной ясности и относительно того, кого из соименных ему святых князь Андрей Юрьевич считал своим небесным покровителем. Имя Андрей прежде всего отсылало к памяти апостола Андрея Первозванного, особо почитавшегося русскими людьми. Напомню, что сам Киев находился под его незримым покровительством: по преданию, апостол своими руками поставил крест на днепровских кручах, предсказав будущее величие города. При князе Всеволоде Ярославиче в Киеве был основан Андреевский монастырь, а в Переяславле-Южном — церковь во имя Андрея на главных въездных во-

* Об имени «Китай», якобы полученном Андреем Боголюбским при рождении, см. отдельное примечание⁸.

ротах города. Для князя Андрея Юрьевича апостол Андрей был личным, «патрональным» святым, и день его памяти, 30 ноября, он отмечал особо — церковной службой, пожертвованием в храм, богатым угощением и раздачей милостыни. Но, в соответствии с традицией, сложившейся в древней Руси, князь почитал и других Андреев — мученика Андрея Стратилата, пострадавшего при римском императоре Максимиане (его память празднуется 19 августа), святого Андрея, архиепископа Критского, автора «Покаянного канона», который звучит во всех православных храмах на первой неделе Великого поста (память 4 июля; этот день позднее станет днём памяти и самого Андрея Боголюбского), святого Андрея Юродивого, по легенде, жившего в Константинополе в X веке (память 2 октября). Все они также должны были восприниматься им как небесные покровители, и к их заступничеству князь прибегал в молитвах в разные моменты своей жизни⁹.

В переводе с греческого языка имя Андрей означает «мужественный». Надо полагать, будущий Боголюбский с юных лет старался соответствовать ему. «Мужеству тезоименитым» называет его летописец. Напомню, что в те далёкие времена очень высока была детская смертность. Выживали действительно сильнейшие. Как и прочие дети, не исключая и появившихся на свет в княжеских семьях, Андрей конечно же болел (в частности, современные антропологи выявили у него признаки перенесённого в детстве рахита — весьма распространённого тогда заболевания)¹⁰. И то, что он сумел справиться с болезнями, да и просто выжить, — пожалуй, главная из побед, одержанных им.

Надо сказать, что природа щедро одарила князя! Известно, что в зрелом возрасте он отличался недюжинной физической силой. Исследования тех же антропологов, изучавших его костные останки, показали, что Андрей был очень широк в плечах и даже в старости обладал развитой мускулатурой и мощной грудной клеткой. Особенно развиты были у него мышцы рук, натренированные для «активной силовой работы» («при отсутствии тонкой моторики», — замечают современные специалисты). Мощные мышцы ног выдают в нём прекрасного наездника, способного также и к длительным пешим перемещениям¹¹. Его рост — около 170 сантиметров — для той эпохи считался чуть выше среднего. (В «Истории...» В. Н. Татищева князь описан так: «Ростом был невелик, но широк и силен вельми, власы чермные, кудрявы, лоб высокий, очи велики и светлы»¹². Правда, насколько можно доверять этому словесному портрету, сказать трудно; не исключено, что перед нами плод сочинительства историка XVIII века. Едва ли какое-либо

отношение к реальной внешности князя имеет и его описание в позднейшем «Иконописном подлиннике», заметно отличающееся от татищевского: «Подобием рус, волосы мало кудреваты, брада не велика, аки князя Бориса»; и далее о том, в каких одеждах следует изображать князя: «...ризы княжеские, шуба бархатная, багряная, выворот соболей, на главе шапка княжеская, опушка соболя, исподняя риза лазоревая, и в сапогах»¹³.)

Конечно, с возрастом накопятся болезни, начнут сказываться многочисленные ранения, полученные в битвах. Но в молодые годы князь был полон сил и энергии; его отличали исключительная храбрость и неудержимость на поле боя: в битвах он один стоил нескольких воинов — в этом нам предстоит убедиться очень скоро, когда речь пойдёт о начале его военной карьеры. Свою молодецкую удачу Андрей проявлял и во время охоты — излюбленного занятия всех русских князей; об этом мы тоже будем говорить отдельно.

Однако физическая крепость и доблесть — это лишь одна сторона его деятельной природы. Как и другие потомки великого киевского князя Владимира Мономаха, Андрей должен был хорошо знать знаменитое «Поучение» своего деда, которое бережно сохранялось в княжеской семье. Обращаясь к сыновьям и всем, «кто прочтёт грамотицу сию», Мономах рисовал тот идеальный образ, которому следовал сам и которому должны были следовать другие князья. И главными здесь были отнюдь не телесные, но нравственные добродетели, идеалы богобоязненности и милосердия, трудолюбия и смирения, глубокой ответственности князя не только перед своими подданными, но перед Богом. «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх Божий имейте в сердце своём» — эта первая и главная заповедь Мономаха являла собой и завет отца детям, и наставление князьям, и — в полном смысле этого слова — его политическую программу, ибо исполнение христианского долга, следование путём общеизвестных христианских истин и было, по его убеждению, единственной прочной основой подлинно справедливого мироустройства, единственным способом сохранения мира и согласия между князьями. Исполнять эту заповедь на деле, в реальной жизни, оказывалось очень трудно, почти невозможно, — но Андрей искренне стремился к этому. «Поучение» Мономаха содержало и обычные житейские правила поведения, которыми должны были руководствоваться его дети и внуки. «Более же всего убогих не забывайте, но сколько можете по силам вашим, кормите, и сироте милостыню подавайте, и вдовицу сами оправдывайте, а не давайте сильным погубить человека, — учил Мономах. — Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его; ес-

ли и будет достоин смерти, не губите никакой души христианской... Если же будете крест целовать братии или ещё кому, то, проверив сердце своё, на чём можете устоять, на том целуйте, а дав целование, соблюдайте его, чтобы, нарушив, не погубить души своей. Епископов, и священников, и игуменов почитайте; с любовью принимайте от них благословение, и не отстраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы принять по их молитве от Бога. Более всего гордости не имейте в сердце и в уме...» И далее: «Старых почитай, как отца, а молодых — как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем смотрите... На воевод не полагайтесь; ни питью, ни еде не потворствуйте, ни спанью... Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда: оттого ведь душа погибает и тело. Куда бы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам ни своим, ни чужим вред причинять ни сёлам, ни посевам, чтобы не начали проклинать вас. Куда же пойдёте и где остановитесь, напоите, накормите жаждущего. А более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришёл: простолюдин ли, или знатный, или посол. Если не можете одарить — то пищей и питьём: они ведь, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. И мимо человека не пройдите, не поприветствовав, доброе слово ему скажите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. А вот вам конец всему: страх Божий имейте превыше всего». И ещё: «Чего умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь... Леньность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что доброе, прежде всего к церкви: да не застанет вас солнце в постели...»¹⁴

Несомненно, Андрей старался следовать этим заветам, понимая и принимая их вполне буквально. Как нам предстоит убедиться, его — во всяком случае в молодые годы — отличали особая совестливость, милосердие, чувство справедливости, которые он будет проявлять даже во время военных походов. Это качества, которые не так часто встречаются среди князей. Лихой вояка, он предпочитал мир ссоре и не раз пытался остановить отца, желавшего воевать и дальше. Войну, пролитие крови он искренне считал тягчайшим испытанием для себя и, выступая на брань, исповедовался перед своим духовным отцом, принимал причастие, отстаивал литургию в храме — на этот счёт у нас есть надёжные свидетельства источников, и мы ещё будем говорить об этом. Любовь к слову Божию, к чтению книг, забота о церковном строительстве — это тоже отличительные черты его характера, как и отвращение к пьянству, неприятие хмельного. А милосердие и заботу о нищих летописцы будут ставить в особую заслугу князю,

сравнивая его в этом отношении с Крестителем Руси Владимиром, чья благотворительность вошла в легенду.

Да и другие призывы Мономаха находили горячий отклик в сердце его внука. «Сий благоверный и христоробивый князь Андрей от млады версты (то есть с юных лет. — А. К.) Христа возлюбив и Пречистую Его Матерь... яко полату красну душу украсив всеми добрыми нравами, — напишет о нём летописец, автор посмертной похвалы, включённой в рассказ о его трагической гибели. — ...На весь бо церковный чин и на церковники отверзъл [ему] Бог сердечней очи; [и] не помрачи ума своего пьянством, и кормитель бяшетъ чернцемъ и черницам и убогим, и всякому чину яко възлюбленный отецъ бяшетъ; паче же милостынею бяше милостив... Мужество и ум в немъ живяше, правда же [и] истина с ним ходяста, [и] инога добродения много в нем бяше, и всяк обычай добронравен имяшетъ...»¹⁵

Впрочем, мы опять забегаем вперёд. В рассказе о жизни Боголюбского мы встретимся и с совсем другими свойствами его натуры, другими, негативными отзывами о нём современников. Но летописец, автор посмертной похвалы, словно бы забывает об этом. Мученическая кончина очищала князя от прежних прегрешений, и его предшествующая жизнь стала восприниматься как приготовление к подвигу, а описание его жизни приблизилось по жанру к настоящему житию святого.

В рассказе о юности Андрея Боголюбского нельзя обойтись ещё без одной пространной цитаты. Когда в начале XVIII века князь будет причислен к лику святых, во владимирском Свято-Боголюбском монастыре напишут его Житие. Понятно, что в распоряжении составителей Жития не было никаких свидетельств о детстве и юности князя, а потому, повествуя о нём, они следовали некоему заданному шаблону, агиографическому образцу, воссоздавая идеальный образ святого, идеальную картину его возмужания и обретения им христианских добродетелей, в числе которых оказались и благомыслие, и кротость, и почти монашеский аскетизм, душевная и физическая чистота, и любовь к духовному чтению и церковным песнопениям:

«...От юного бо возраста и от младых ногтей Христа возлюбив, от мирских суетумудрий отврати себе, душетленных же и богоненавистных игр и бесовских сонмищ до конца возгнушався: ни на что бо ему бе тщание от сущих мира, точию и поучением книжным и к церковному пению. Гласы божественными всегда оглашаше ушеса своя, святых книг поучений сладце послушаючи, отнюду же притяжа себе зачало премудрости: страх Божий и премудрость разума писаний святых. Всегдашняя же бе у него бдения всенощная и утаенных молитв к Богу

присвоение; многой же пищи и сладких яств (в другом варианте: «сладких аромат». — *А. К.*) и любоплотия до конца от-вратися, сим всем телу своему немилостив враг бысть; чисто-тою украшен, милостынею к нищим богат... бяше же измлада тих и кроток зело и боголюбив, яко всем зрящим дивитися; и сего ради Бог бяше с ним неотступно... Сей святыи великий князь Андрей, яко от утренния зари светозарное солнце, на небесную высоту деяний божественных пресветло возшед, и яко крин (лилия. — *А. К.*) цветяше в добропробываниих день и ночь, преспевая в законе Господни».

А вот как чуть ниже описываются столь же идеальные внешний облик и душевные качества князя: «Вкупе же и видом благородия и телесным благолепием вельми украшен, паче всех сродник своих: благородием бо и благолепием лица предзыде их, яко солнце всех светил; храбростию же и силою в воинстве, и смыслом благоразумия, и премудростию Божественных писаний зело восхвален. Тако его Бог почте и украси прежде будущих в житии сем, яко верна своего угодника!»¹⁶

Не станем рассуждать о том, насколько эти восторженные слова агиографа XVIII века могли соответствовать действительности. Скажем о другом. Как бы там ни было в молодости, время наложит заметный отпечаток на князя. Бывший образчиком множества добродетелей, которые признавались и его современниками, он с течением лет будет меняться, и не всегда в лучшую сторону. Совестьливость и сочувствие чужой беде, о которых мы говорили выше, со временем уступят место осознанию собственной непогрешимости и правоты — всегда и во всём. И слова Мономаха: «Паче всего гордости не имейте в сердце и в уме» — словно бы в насмешку будут оттенять самую, пожалуй, заметную черту в характере позднего Андрея Боголюбского, которого современник-летописец с упрёком обвинит именно в гордости и непомерном высокоумии.

Что ж, бывает и так. Самые лучшие, самые притягательные свойства характера с течением жизни порой превращаются в свою противоположность — и в истории Андрея Боголюбского нам ещё предстоит столкнуться с этим.

Брак с Кучковной

Ещё один эпизод в биографии князя Андрея Юрьевича нашёл отражение исключительно в поздних, почти не поддающихся проверке источниках. Речь идёт о женитьбе князя.

Об этом рассказывается в так называемой «Повести о на-

чале Москвы» — сочинении некоего московского книжника XVII века. В центре повествования здесь — основание Юрием Долгоруким «царствующего великого града Москвы» — «третьего Рима», «зачало» чему, как выясняется, «бысть не без крове же, но по пролиту же и по заклании кровей многих»¹⁷. Шествуя из Киева «во Владимир град к сыну своему князю Андрею Юрьевичу», рассказывает автор, Юрий «прииде на место, иде же ныне царствующий град Москва». В то время «обо полы Москвы реки», то есть по обоим её берегам, находились «сёла красныя», которыми владел некий весьма богатый «болярин» по имени Кучка, или Кучко, Стефан Иванович (полностью его имя приводится лишь в некоторых списках памятника). «Возгордевся зело», боярин отказался почтить князя «подобашею честию, яко же довлеет (подобает. — А. К.) великим князем, но и поносив ему к тому жь». «Не стерпя хулы его той», князь повелел «того болярина ухватити и смерти предати»; сам же «взыде на гору, и обзрев с неё очима своими семо и овамо по обе страны Москвы реки и за Неглинною, и возлюбил сёла оныя, и повелевает на месте том вскоре соделати мал древян град, и прозва его званием реки тоя — Москва град по имени реки, текущая под ним».

(В одной из версий «Повести...» начало истории с боярином Кучкой изложено по-другому: Юрий якобы сам послал его из Киева во Владимир к сыну своему Андрею, «занеже в то время бысть князь Андрей Юрьевич болен вельми». Андрей «пожалова» боярина «многими дары» и отпустил обратно к отцу; по дороге тот остановился на реке Москве, и эти места так понравились ему, что по прибытии в Киев он выпросил их для себя у князя Юрия Долгорукого¹⁸. В других источниках о болезни Андрея сведений нет.)

У боярина Кучки остались дети: двое сыновей, «млады суще и лепы зело», звавшиеся Пётр и Аким (Яким), и «дщерь едина», «такова же благообразна и лепа суща, именован Улита» (впрочем, и эти имена присутствуют не во всех списках «Повести...»). Юрий Долгорукий отослал их к своему сыну Андрею. «И потом князь великий отходит во Владимир к сыну своему князю Андрею Боголюбскому и сочеловае его браку со дщерию Кучковою, с нею же князь Андрей и сыны приживе, но млады отъидоша к Богу (в некоторых вариантах в единственном числе и с дополнительной подробностью: «...и единаго сына приживе, и млад отиде ко Господу, от злые оные своя жены»¹⁹. — А. К.). И быв у него отец его великий князь Юрь Владимирович довольно время... и та-

ко возвращается... в Киев, с ним иде и сын его князь Андрей Юрьевич Боголюбский».

Эта история датируется в «Повести...» сугубо апокалиптическим 6666 годом, то есть 1158-м от Рождества Христова, — совершенно неправдоподобным, если учесть, что к тому времени Юрия Долгорукого уже не было в живых. Да и вообще, весь этот рассказ мало похож на правду, хотя некоторые подробности, несомненно, заслуживают внимания.

Так, вполне исторической личностью был сам боярин Кучка (Кучко). Его имя сохранилось в топонимике Северо-Восточной Руси: волость «Кучка» упоминается в Суздальской земле, а урочище «Кучково поле» известно в средневековой Москве, в районе позднейших Сретенских ворот. В XII веке саму Москву нередко называли Кучково («Кучково, рекше Москва»), что свидетельствует о её бывшей принадлежности названному лицу. Летописям известны и сыновья Кучки, Яким Кучкович с братом, а также некий Пётр, «Кучков зять» (в «Повести...» Пётр и Яким ошибочно названы братьями). Вполне вероятно, что на дочери Кучки и в самом деле был женат князь Андрей Юрьевич, чем и объясняются пребывание Кучковичей при его дворе и их столь заметное впоследствии влияние на князя.

К какому же времени относится брак Андрея с Кучковной? И на этот вопрос можно ответить лишь приблизительно. Как известно, первое упоминание Москвы в летописи датируется 1147 годом, когда этот город, или, точнее, некое укрепление на месте будущего города, принадлежало уже князю Юрию Владимировичу Долгорукому, пригласившему туда своего союзника, новгород-северского князя Святослава Ольговича. Следовательно, расправа с Кучкой, как и женитьба Юрьева сына имели место ранее этой даты. Известно и то, что дочь Андрея Боголюбского была выдана отцом замуж зимой 1159/60 года; тогда же, по летописи, в первый раз принял участие в военных действиях его старший сын Изяслав, поставленный отцом во главе войска²⁰. Очевидно, и тот и другая достигли возраста по крайней мере тринадцати-четырнадцати лет. А значит, появились на свет никак не позже 1145 года, а сам князь вступил в брак ещё раньше, скорее всего, в начале 40-х годов XII века.

Вступление в брак — поворотное событие в жизни князя, свидетельство его полной дееспособности, зрелости. Ещё более важным событием было рождение сына — будущего князя, продолжателя династии. Андрей в этом смысле оказался на высоте. Всего по источникам известны четверо его сыновей. Летописи называют троих — Изяслава, Мстислава и Георгия (Юрия). Последний появился на свет уже после смерти Юрия

Долгорукого, почему и получил его имя. Ко времени смерти Андрея он был совсем мал. Ещё один, Глеб, в ранних летописях не упоминается; его имя известно лишь из поздних, не слишком надёжных источников*. Все сыновья Андрея получили значимые имена, принадлежащие к княжескому именованию. Изяслав, по всей вероятности, был назван в честь второго сына Владимира Мономаха, княжившего в Курске и претендовавшего на Муром (Изяслав Владимирович погиб ещё юным в междоусобной войне со своим двоюродным дядей Олегом Святославичем Черниговским); Мстислав — в честь другого Мономашича, великого князя Киевского; Юрий, как уже говорилось, — в честь деда, Юрия Долгорукого, а Глеб, скорее всего, получил имя в честь своего дяди, князя Глеба Юрьевича, княжившего в Переяславле-Южном, а позднее и в Киеве. Забегая вперёд скажу, что трое из четырёх сыновей Андрея умрут при жизни отца. Впрочем, о их судьбе, равно как и о судьбе Юрия, пережившего отца и оставившего заметный след в истории не только России, но и Грузии, мы ещё будем подробно говорить на страницах книги.

Имелись у Андрея и дочери. Одна — та самая, которая была выдана замуж в 1159/60 году. В. Н. Татищев называет и её имя — но в разных местах своей «Истории...» по-разному: в одном случае Ростислава, в другом — Мария²², и едва ли его свидетельства на сей счёт могут быть приняты на веру. О второй дочери князя известно лишь из краткой летописной записи о её смерти в 1166 году; впрочем, в данном случае не исключена какая-то путаница в летописном тексте²³.

Все ли дети Андрея Юрьевича появились на свет в одном браке? По-видимому, нет. Известно, что третий сын Андрея Боголюбского Юрий был ещё совсем «дитя», даже не отрок, когда у его второго сына Мстислава родился первенец. А это косвенно может свидетельствовать о том, что матери у обоих Юрьевичей были разные. О том же говорят и показания поздних источников, к которым, правда, полного доверия быть не может. В так называемом Тверском летописном сборнике, составленном в XVI веке, а также в ряде других летописцев Андреева супруга именуется «болгаркой родом», и надо полагать, что речь идёт не о Кучковне, а о второй жене князя²⁴. Судя по летописному рассказу, Андрей вступил с ней в брак после

---

* В позднем Житии князя Глеба Андреевича (составленном на рубеже XVII—XVIII веков или в начале XVIII века) упоминается ещё один его брат, Владимир, бывший будто бы старшим сыном Андрея Боголюбского и умерший при жизни Глеба²¹. В других источниках такой князь не значится; предполагать, будто у составителей Жития имелся какой-то неизвестный нам древний источник, оснований нет, а потому данное известие едва ли можно признать заслуживающим доверие.

своего знаменитого похода на Волжскую Болгарию в 1164 году. Если так, то Кучковна к тому времени либо умерла (о чём прямо сообщает Татишев в одном из вариантов своей «Истории...») ²⁵, либо была оставлена князем. Правда, это противоречит дальнейшему рассказу «Повести о начале Москвы» об убийстве Андрея Боголюбского, в котором фигурирует именно «Кучкова дщерь» (по версии указанных выше летописей, в убийстве Андрея была замешана «болгарыня», мстившая мужу за разорение родной земли).

Вернёмся к «Повести о начале Москвы». Ещё одним сюжетом этого произведения и стало убийство князя Андрея Юрьевича. Жене князя отведена здесь зловещая роль мужеубийцы, а рассказ о её вражде с мужем высвечивает ещё одну черту в характере и образе жизни Андрея Боголюбского. Впрочем, не будем забывать о том, что и в данном случае мы имеем дело отнюдь не с реальным владими́ро-суздальским князем, но с князем-мучеником и святым, чей образ выписан автором в лучших традициях агиографического жанра.

«Сей... благоверный великий князь Андрей, — продолжает автор «Повести...», — ...ни о чесом земном печашеся, но токмо достизаша небесная...»: отвращаясь греха, он предавался сну только «на жестокой посланней постели» и «плотского смешения с женою до конца ошаяся (уклонялся, избегал. — А. К.)», так что «ниже во снех ему соблазны женская мечтахуся» (то есть даже во сне не соблазняясь греховными помыслами). Это пришлось не по нраву его любострастной супруге, требовавшей от мужа «пригорновения (то есть ласок. — А. К.) и плотскаго смешения». Злобствуя на мужа, княгиня вовлекла в заговор братьев, находившихся у князя «в велицей чести»: «с ними убо жена его совещася зломыслием на господина своего великого князя Андрея Юрьевича». А дальше, как мы уже знаем, последовала кровавая развязка...

Исследователи допускают, что в убийстве князя и в самом деле могла участвовать его жена (впрочем, об этом речь пойдёт позже, ближе к концу книги). Но вот остальные подробности, приведённые московским книжником XVII века, включая его объяснение причин, по которым княгиня пошла на неслыханное преступление, — не более чем вымысел, плод досужей фантазии и литературных вкусов автора, результат его начитанности в тогдашней исторической беллетристике. Об этом можно говорить с достаточной степенью уверенности — хотя бы потому, что и характеристика князя, включая его отказ от плотского сожителства с супругой, и характеристика супруги дословно заимствованы из другого источника и относятся совсем к другой исторической эпохе и другим историческим

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru